

НА ИСХОДЕ ВОЙНЫ

В ночь на 14 апреля 1945 г. немецкий антифашист ефрейтор Круммель и я, капитан Советской Армии, шли по центральной площади недавно взятого нашими войсками немецкого городка Фишхаузен. Улицы были пусты: наши передовые части ушли дальше к Пиллау, а тылы не подтянулись; население пряталось по подвалам, может быть, его и вовсе здесь уже не было. Город горел. Вдруг Круммель замер прислушиваясь.

— Геноссе капитан, немцы!

Из дыма и пламени выполз танк. Мы бросились в дверь магазина, витрину которого раздавила подбитая немецкая самоходка, и легли на пол. Танк прополз площадь. Обгоняя его, пронеслись два бронетранспортера, мчались автомашины и повозки, бежали солдаты. Мы слышали топот сапог, крики и ругань. Когда шум снаружи смолк, мы вышли из укрытия. Быстрым шагом проулками выбрались на окраину. Здесь было тихо. Мы вошли в одинокий дом у дороги, занятый нашими связистами. Нашлось здесь место и нам, чтобы передохнуть.

...Спустя тридцать лет я встретился с Эмилем Круммелем в городе Ребрюкке (ГДР). Мы многое вспомнили.

В самом начале войны ефрейтор Эмиль Круммель перешел на сторону Красной Армии. Ранее политически нейтральный, теперь он стал активным антифашистом. Участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия» и вошел в его актив. Вскоре его послали уполномоченным на Северо-Западный фронт. Ходил в тыл к немцам, разбрасывал листовки Национального комитета, вел на переднем крае передачи для немецких солдат через громкоговорящую установку.

Когда была создана антифашистская школа при политуправлении 1-го Прибалтийского фронта, Круммель стал одним из ее преподавателей. Школу укомплектовали военнопленными, изъявившими желание активно уча-

ствовать в борьбе с фашизмом. У каждого за плечами были многие месяцы войны, поэтому в боевой подготовке они не нуждались. Главное внимание уделялось политическому образованию.

Во главе школы стоял советский офицер майор В. Л. Мартенс. И еще одно имя называет Круммель — Е. А. Бродский. Теперь он полковник в отставке, доктор исторических наук. Во время войны возглавлял отдел по работе среди войск противника политуправления 1-го Прибалтийского фронта. Когда 39-я армия вошла в состав этого фронта, он стал и моим начальником. Под его началом я служил и после войны в Берлинской комендатуре.

Вспомнили мы незабываемые дни боев под Кенигсбергом. Наши войска готовились к штурму осажденного города. Под покровом темноты сосредоточивались невиданные массы боевой техники. Днем все это маскировалось в лесах, и только разбитое шоссе свидетельствовало о том, что происходит здесь по ночам. Противник знал, что его ждет, и укреплял оборону, ставил новые минные поля, противотанковые заграждения, ряды колючей проволоки.

В этих условиях была задумана интересная, хотя и рискованная, операция. Цель ее состояла в том, чтобы с помощью немецких антифашистов сагитировать возможно большее количество солдат противника сдаться в плен. Группа таких антифашистов под командованием ефрейтора Э. Круммеля в одну из мартовских ночей, в немецкой форме, с оружием, пошла в сторону вражеской передовой. Шли медленно и долго. Время от времени Круммель посылал вперед саперов, но ни мин, ни колючей проволоки не было. С нашим командованием поддерживалась радиосвязь. Через полтора часа стало ясно, что группа движется по нейтральной зоне вдоль вражеских и наших окопов. Группу вернули.

Неудача нас не обескуражила. Решили вместо ефрейтора во главе группы поставить офицера. Новым командиром был назначен Альфред Петер, лейтенант.

В ночь на 22 марта 1945 г. в районе станции Гольдшмиде 58 антифашистов-добровольцев, вооруженных автоматами, винтовками и гранатами, снова вышли в нейтральную зону. Круммель в этой операции не участвовал. Но у него сохранилось донесение лейтенанта А. Петера. Вот что в нем говорилось:

«Перед нами лежала совершенно открытая равнина,

изрезанная неглубокими канавами и кое-где покрытая кустарником. Была лунная ночь. Стояла полная тишина. Точное расположение передовых вражеских позиций, количество находящихся там людей и огневых средств нам не были известны. Не имелось у нас никаких данных и о минных полях и проволочных заграждениях. Ввиду этого от нас требовалась крайняя осторожность.

Мы двигались в следующем порядке: два сапера, ударная группа фельдфебеля Борнемана, командир отряда со связным, 1-я группа, 2-я группа. Внезапно справа и слева от нас началась активная стрельба. Винтовочный и пулеметный огонь на флангах, а также осветительные ракеты заставляли нас двигаться вперед на узком участке.

Русский разведчик сопровождал нас до передовых окопов. Он объяснил нам, что примерно в 400 метрах впереди находится дом, в котором расположено вражеское пулеметное гнездо, и покинул нас. Так как другого ориентира не было, я послал группу Борнемана с двумя саперами по направлению к этому пункту. Группа удалась примерно на 50 метров. Поняв, что дальнейшее продвижение невозможно, так как местность открыта, освещена луной и простреливается, я вернул группу назад.

После короткого совещания с командирами групп я приказал двигаться левее. Лежавшее здесь перед нами темное поле давало наилучшие возможности для сближения. Двигаясь змейкой, сюда быстро подтянулись обе группы. В 300 метрах от нас виден был отдельно стоящий дом. Я отдал приказ командиру ударной группы фельдфебелю Борнеману использовать этот дом в качестве ориентира для дальнейшего продвижения. Прошло примерно полтора часа, пока Борнеман со своей группой достиг передовых позиций. Находясь на расстоянии около 20 метров от немецких окопов, Борнеман принял решение «обнаружить» себя».

По его распоряжению находившийся впереди сапер крикнул три раза:

— Эй, часовые!

Наконец раздался ответ:

— Да, в чем дело?

Тогда группа Борнемана поднялась с земли. Заговорили громко и наперебой:

— Слава богу, вышли к своим!

— Ребята, не стреляйте!

— Где у вас тут проход?

Проход показали, и антифашисты опустились в окоп. Перед ними был пулеметный расчет: унтер-офицер и два солдата.

— Кто вы такие? Откуда? — спросил унтер-офицер.

— Возвращаемся из глубокой разведки и заблудились, к чертям. Нам нужно к майору Нахту из боевой группы Финкеля, — ответил Борнеман. — Какой сегодня пароль?

Пулеметчики пароля не знали. Борнеман попросил разрешения выкурить сигарету. Его и нескольких человек проводили в блиндаж унтер-офицер и один из солдат. Там хозяев блиндажа обезоружили. Когда Борнеман вышел наружу, третий солдат, оставшийся у пулемета, был также обезоружен. Борнеман отправил связного с донесением об успехе.

«Получив донесение, — пишет далее А. Петер, — я понял, что наступил подходящий момент для того, чтобы ввести в немецкие позиции обе группы. Боевая задача и способ ее осуществления были известны всем участникам операции. Первая группа под командованием унтер-офицера Гебхарда Кунце должна была двигаться направо, насколько возможно с учётом конкретной ситуации. Вторая группа под командованием унтер-офицера Гарри Лау¹ имела аналогичную задачу, двигаясь влево. Кроме того, каждой группе надлежало выделить по несколько человек для обеспечения флангов продвигающейся вперед группы Борнемана.

После того как обе группы пошли по своим направлениям, группа Борнемана двинулась в сопровождении пленного пулеметчика к командному пункту роты. По дороге Борнеман спросил провожатого, как зовут командира роты, на каком расстоянии находится блиндаж и сколько там человек. Пулеметчик ответил, что ротой командует обер-лейтенант Грюнвальд, до блиндажа примерно 400 метров, обычно на командном пункте бывает человек 8—10.

При приближении к блиндажу Борнеман заметил на расстоянии примерно 15 метров двух часовых. Провожатый предупредил, что при них находится пулемет. Унтер-офицер Буш, обер-ефрейтор Ганс Дитрих, обер-ефрейтор Альберт Крафт и обер-ефрейтор Якоб Петри по-

¹ В 1985 г. Гебхард Кунце и Гарри Лау были награждены медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг». — *Прим. авт.*

лучили от Борнемана приказ обезоружить часовых и привести в негодность пулемет. Приказ был выполнен без шума».

Далее произошло вот что. Унтер-офицер Штробель и обер-ефрейтор Карл-Гейнц Мейснер с автоматами на изготовку вошли в блиндаж командира роты. За столом сидели два солдата, на парах лежали еще пять человек. Штробель был известен своим бесстрашием и немногословием. Он приветствовал сидевших возгласом «Хайль!» и умолк. Дальнейшие переговоры вел Мейснер, выполнявший в ударной группе политические функции.

С нар поднялся командир роты и взволнованно спросил:

— В чем дело? Что вам здесь нужно?

— Господин обер-лейтенант, мы — военнопленные, участники движения «Свободная Германия». Мы пришли сюда, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь ваших подчиненных.

— Каким образом? Что вы хотите с нами сделать?

— Отвести вас к русским. Война проиграна. Вы слышали о комитете «Свободная Германия»?

— О комитете я слышал, но неужели вы думаете, что это спасение?

— Другого спасения для народа и армии нет!

Обер-лейтенант Грюнвальд стоял раздумывая. В блиндаж вошел Борнеман. Штробель разбудил спящих и поставил их у двери. Неожиданно зазвонил телефон. Под дулом направленного на него автомата Грюнвальд взял трубку.

— Так точно, я отправил их ровно в три.

Трубка легла на место.

Мейснер:

— Господин обер-лейтенант, на каком расстоянии находится командный пункт батальона? Сколько там человек?

Грюнвальд:

— Метрах в 500—600. Количество людей, как обычно.

Мейснер:

— Вы не могли бы позвонить командиру батальона и вызвать его сюда? Придет он?

Грюнвальд:

— Я думаю, что придет. Позвонить ему?

В этот момент Борнеману доложили, что бежал один из обезоруженных часовых. Борнеман дал приказ отходить. Из блиндажа вынесли трофеи: автоматы, караби-

ны, гранаты, полевую сумку обер-лейтенанта, его биннокль, схемы позиций, секретные приказы... Был еще один трофей, не упомянутый в донесении Петера (здесь уже память исправляет документ): плоские настольные часы. Штробель сунул их в карман шинели, покидая блиндаж. Потом он подарил их мне. Долгие годы после войны они стояли на моем письменном столе, напоминая об отчаянном парне из Вены, которому не довелось дожить до конца войны.

В небо поднялись две зеленые ракеты. Это означало: задание выполнили, начали отход. При свете ракет увидели, что в тыл убегает немецкий солдат, его окликнули, он не остановился, по нему открыли огонь. Воспользовавшись суматохой, обер-лейтенант Грюнвальд скрылся.

Группы Кунце и Лау за это время продвинулись метров на 400, каждая в своем направлении. Были взяты пленные и трофеи. Первой вернулась группа Кунце. Петер начал отход, оставив до возвращения Лау и Борнемана трех человек во главе с ефрейтором Гюнтером Клейном. На Клейне была форма фельдфебеля, и это сыграло решающую роль в том, что произошло далее. (Об этом мне рассказывал сам Клейн, мы встретились много лет спустя в ГДР.)

Едва Клейн занял позицию, как увидел, что к нему приближается немецкое подразделение. Он решил перехватить инициативу и крикнул:

— Стой! Кто идет? Пароль!

Вперед вышел унтер-офицер, произнес какое-то слово, которое Клейн не расслышал, и в свою очередь спросил:

— Где командир взвода?

Клейн ответил, что он и есть командир взвода. Унтер-офицер подошел вплотную и представился:

— Унтер-офицер Кнооп из саперной роты. Мы должны здесь работать.

Клейн пожал ему руку и представился в свою очередь:

— Фельдфебель Клейн из Национального комитета «Свободная Германия».

— Какая Германия?

— Свободная.

— Вы что, оттуда? — Кнооп показал в сторону русских позиций.

— Именно. А вам неужели не надоела война?

— Бог мой, конечно, но...

— Никаких «но»!

Продолжая правой рукой удерживать руку унтер-офицера, Клейн левой выхватил из его кобуры пистолет. Шесть оторопевших солдат молча наблюдали за происходящим. Клейн каждому из них пожал руку и отобрал оружие. Его фельдфебельские погоны действовали гипнотически. Свое воздействие оказывали, конечно, и две винтовки антифашистов, направленные на саперов. Но главную роль все же сыграли погоны старшего по воинскому званию.

Вскоре подошли группы Лау и Борнемана. Антифашисты направились в расположение наших войск.

Успех превзошел все ожидания: 35 пленных. И это в условиях жесткой обороны противника! Захвачено было два пулемета, еще три выведены из строя, разгромлен командный пункт роты, доставлены важные документы. Оголены позиции противника на участке около километра. В его ряды внесено замешательство, посеяна подозрительность. В ходе операции были убиты четыре вражеских солдата. У антифашистов один человек был тяжело ранен и несколько человек — легко раненных.

В конце марта 1945 г. начальник нашего армейского отделения спецпропаганды майор Винокуров был вызван к командующему армией генерал-полковнику И. И. Людникову. Вернувшись, он сообщил важную новость: в армии создается своя небольшая антифашистская школа. Начальником ее назначен майор Вахтанг Кочорадзе. Мне же предстояло доставить из фронтовой школы преподавателя и «обстрелянных» антифашистов, участников операции А. Петера.

На старой, выдавшей виды полуторке я пересек Восточную Пруссию от Кенигсберга до границы с Литвой. За Неманом в глухой лесной деревушке меня ждали В. Л. Мартенс и Э. Круммель. Я познакомился с тремя антифашистами — ядром будущей школы: Штробелем, Бушем, как звали третьего, теперь не помню.

Для армейской школы был отведен дом лесника вдаль от населенных пунктов и коммуникаций. Дорогу к дому перекрыли плагбаумом. Поставили щит с надписью: «Проезд запрещен». В доме уже хозяйничал красноармеец Фомичев. Он привез продукты и готовил завтрак. Антифашисты угостили меня трофейным кофе (из запасов обер-лейтенанта Грюнвальда). Здесь я впервые услышал подробный рассказ об их ночном поиске. Рассказывал Буш. В плен он попал в начале 1943 г. в Ве-

ликих Луках. Был радистом в штабе осажденного гарнизона. Я спросил Буша, что привело его в ряды «Свободной Германии».

— Немецкая нация на краю гибели, — ответил он. — Надо спасти тех, кого еще можно спасти.

К вечеру прибыл майор Кочорадзе с новыми пленными, главным образом из числа тех, кого привел Петер. Школа открылась.

Занятия продолжались всего несколько дней. Вскоре начался штурм Кенигсберга. В ночь перед наступлением школа получила боевое задание: повторить прием, удавшийся ранее Петеру.

Группу антифашистов возглавил Буш. В нее вошли также Штробель, Круммель и другие слушатели школы. Антифашистам удалось подползти вплотную к расчету немецкого пулемета. Штробель окликнул часового. Тот ответил. Штробель поднялся, прыгнул в окоп и начал разговаривать с пулеметчиками. До антифашистов доносились отдельные слова. Затем раздались выстрелы, и по группе Буша стал бить пулемет. Два человека получили ранения. Буш приказал отходить.

О том, что произошло в окопе, стало известно много лет спустя от одного из очевидцев. У пулемета находились два молодых солдата, только что призванных в армию. Из тех немногих слов, что произнес Штробель, им стало ясно, что есть возможность покончить с войной, и они были готовы ею воспользоваться. Но тут подошел унтер-офицер. Это был НСФО¹. Он застрелил Штробеля и приказал открыть огонь из пулемета.

Наступление наших войск развивалось успешно. 9 апреля был взят Кенигсберг. Ожесточенные бои шли на Земландском полуострове. 39-я армия продвигалась к Фишхаузену. Перед антифашистской школой встала задача проникнуть в расположение немецких войск и склонить их к сдаче. Советские разведчики должны были указать наиболее безопасный путь.

В блиндаже, только что отбитом у противника, майор Кочорадзе, командир разведподразделения и старший группы антифашистов Буш, склонившись над картой, обсуждали план действий. Круммель стоял в дверях и курил. Он услышал, как за его спиной что-то щелкнуло.

¹ НСФО — «национал-социалистischer фюрингсофицер», то есть офицер по воспитанию личного состава вермахта в национал-социалистском духе. — *Прим. авт.*

Мелькнула мысль: «Взрыватель» — и сразу же раздавался грохот. Взорвалась мина замедленного действия.

Разведчики вынесли смертельно раненного Буша. Затем вышел Кочорадзе и попросил Круммеля посмотреть, что у него с рукой. Она была в крови и не сгибалась. Другая рука тоже была в крови. И обе ноги. Разведчики понесли его к волокуше...

В тот день я вернулся в политотдел армии поздно ночью. Только уснул, как меня разбудил майор Винокуров:

— Вахтанг тяжело ранен. Вас вызывает полковник Петров.

Начальник политотдела приказал:

— Примите школу. Действуйте в соответствии с обстановкой. Выполняйте распоряжения командира дивизии. После взятия Фишхаузена ознакомьтесь с положением в городе и возвращайтесь сюда.

Через два часа «виллис» доставил меня к месту назначения. По телефону доложил о себе командиру дивизии. Сказал, что прибыл в его распоряжение и жду приказаний.

— У меня тут в тылу идет стрельба, — сказал он. — Нельзя ли послать ваших молодчиков сказать фрицам, чтобы кончали базар. Воевать осталось несколько часов. Гарантируем, мол, жизнь, питание и прочее.

Я выделил две группы антифашистов по четыре человека в каждой, придал им по несколько пленных из окруженной части. Они пошли вперед, выкрикивая имена своих командиров и товарищей. Стрельба стала постепенно затихать.

Затем вместе с Круммелем я отправился на КП дивизии. Генерала там уже не было. Я попросил передать ему о выполнении приказа. Можно было, кажется, выспаться. Но меня опять разбудили. Адъютант командира дивизии сказал, что Фишхаузен взят левым соседом, дивизия повернула к северу, оставив в тылу окруженных немцев, и «хозяин» хочет повторить утренний эксперимент. Я сказал, что у меня нет людей. Старший лейтенант посоветовал поговорить с только что взятыми пленными.

Пленных было человек двадцать. Когда я завел речь о том, что от них требуется, они наотрез отказались. Вернуться в этот ад? Ни за что на свете. Я понял, что мне их не убедить, и пошел за советом к Круммелю.

— Геноссе капитан, скажите им, что с ними будет говорить немецкий офицер. Обер-лейтенант.

Я пошел на улицу, подозвал пленного унтер-офицера и приказал ему построить людей. Сказал, что с ними будет говорить немецкий офицер — обер-лейтенант.

Вышел Круммель — грудь колесом. Унтер-офицер скомандовал «Смирно!», строй окаменел. Круммель молча и не спеша прошел вдоль строя, останавливая свой взгляд на каждом. Прошло минуты две-три, пока он подал команду «Вольно!».

— Солдаты, — начал он, — мы в плену. Но приказ офицера — закон. В силу данных мне полномочий приказываю вам выполнить то, о чем говорил вам русский офицер. Унтер-офицер, командуйте.

Тот скомандовал, и солдаты вермахта пошли выполнять общую волю советского командира и немецкого представителя движения «Свободная Германия».

А мы с Круммелем двинулись в сторону Фишхаузена. Здесь столкнулись с немцами, пытавшимися прорваться к осажденному Пиллау. Разумеется, им это не удалось. Части восточно-прусской группировки, зажатой на Земландском полуострове, под мощными ударами советских войск прекращали сопротивление. К исходу 25 апреля пал Пиллау — последний опорный пункт обороны немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии.